

Анатолий ШЕРСТОБИТОВ

РАЙград

Книга барониады №3

Богатыри не мы?!

Но кто тогда свершил у нас эти подвиги?

- изъял у всех в одночасье всё наворованное?
- заставил жестоко страдать обидчиков Природы?
- омоложал народ до внутриутробного состояния?
- подсыпал дороги яйцами вместо щебня?
- лечил зубы усилиями тараканов?
- брил и стриг население с помощью моли?
- осеменял "Москвичи", и те рожали "Форды"..

Под чьим незримым руководством?!.

Анатолий Шерстобитов

РАЙград

«Издательские решения»

Шерстобитов А.

РАЙГрАД / А. Шерстобитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837494-4

Нас окружает Совершенство, мы его органические частицы, осознание этого, обретение зоркости и слуха на его распознавание за кажущейся простотой приносит самые фантастические результаты, из которых наиглавнейший — наша жизнерадостность.

ISBN 978-5-44-837494-4

© Шерстобитов А.
© Издательские решения

Содержание

Жестокий эксперимент	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

РАЙград

Анатолий Шерстобитов

© Анатолий Шерстобитов, 2017

© Николай Александрович Павлов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7494-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жестокий эксперимент

Часть первая

Глава первая

– Предательская благочинность – Маята

Куяна – В «умном квадрате» – Срыв поимки

антигурмана – Начало эксперимента

Не плачьте, козявки, только сок чуток выжмем! (Пословица)

Скудна рука дающего (Татуировка на ягодище)

Сорвался в бездну разума (Эпитафия)

И ведь ничем, ну совершенно ничем этот воскресный июньский денек не грозил выделиться из череды ему подобных. День как день, утро как утро, ни малейшего намека на грядущее зловещее событие. Словом, утро этого памятного денька в городишке почти никого не насторожило. Почти!..

Пала роса, все также пьяняще и терпко благоухала листва тополей, разила аптекой буйная полынь, совсем нетерпимо зловонили свалки и помойки, где шумно ссорились воробы, с брезгливым изяществом завтракали кошки. Обьедая зелень в палисадниках, слонялись коровы – ведь всё запахано, даже солончаки и Сорочья поляна, так славная до этого дармовой глиной, вот и паслись теперь бурёнушки на улицах да меж шпал на железке, но там опасно, начетисто – владельца часто штрафуют.

У магазина, коротая время в очереди за молоком, старухи слушали очередной вещий сон подружки-Кулюшки: «Ну, уж нет, девоньки! – страстно вещала она. – Нет уж, свиньи на мотоциклах, да колоннами, да с хоругвями к добру никогда не глянутся. Да еще ведь и клушка третьего дня петухом голос подала! Ох, не к добру все это, ох, не к добру!..». «Девоньки» слаженно кивали и уже настороженно осматривали окружающее, пока еще так предательски благочинное.

А здесь бранились два соседа – из-за Тямки, звонкоголосой, неумолчной собачонки, только что погибшей. Ночной брѣх её и стал ей приговором – недоспавший сосед предложил аппетитнейшую котлетку, мастерски начиненную заряженным конденсатором. И вот вчерашние друзья, половчее ухватываясь за грудки, сквернословили и примерялись, что же эффективнее – лбом в нос или коленом в пах.

Неподалёку же, третий день кряду, веселилась свадьба. Проникновенные, идущие сердцем песни в исполнении Анны Герман, были усилены аппаратурой настолько, что знобило телеграфные столбы и стаканы в ладонях, под наседками лопались яйца, а ошалевшая кошка, подняв пыль на чердаке забегом протеста, шагнула в колодец.

...И ведь всё вроде как всегда, заключал Куян, присаживаясь на родное крылечко после прогулки за хлебом, всё вроде бы, а что-то не то. Он крепко задумался, яростно выкусывая заусенцы. И как только выткать из мельчайших лоскутков снов, примет, предчувствий, так его будоражащих некую цельность, как? Он ойкнул, куснув заусеницу едва не до мяса. Не-ет, я так чокнусь, крепко потер он шею, надо с кем ни то посоветоваться.

– Баушка! – крикнул он в сенцы. – Степановна! Собери-ка мне, золотце моё, десятка полтора яичек, я ребятам снесу в «умный квадрат».

– Опять, опя-аать полна пазуха докуки, – ворчала супруга, – только нечего взять в руки. Лишь бы со двора убёгнуть, наскипидарился, опять что-то приоблажилось.

– Да ладно, ладно тебе, баушка, тут же ведь и обернусь.

– Ой-ё-ёй, седьмой ведь десяток стучит, а всё, как мальчонка, бегаешь, ладно ещё не верхом на прутке. Нет бы какую качель изладить на дворе внучатам. Столбушек-то у забора на пасынок подвязать какой уж день сулишься, а-а? Упал ведь забор-то, хозяи-ин! А-аа, – махнула она рукой, позёывая, – всё ведь на вей-ветер. Побёг, побё-оог заполошный, наторгует нынче снова мякиша у кукиша...

«Умный квадрат» располагался за городом, здесь обитали климатологи, именно так они все представлялись. Стоянку ихнюю ограждал забор из поставленных встык автофургонов, автобусов и прочих спецмашин. Тоже чего-то мутят, мытари царя небесного, отмечал Куян, какие же они к черту климатологи, коль даже дожличка на завтра угадать не могут. И вздыхал снова маятно на ходу, вздыхал, ох, не то что-то, ох, не то!

«Куяна» ему впяли ещё в детстве, за не по годам рассудительность да сходство с премудрым дедушкой Куяном, кто просиживал тогда на завалинке дни напролёт, всесезонно обмундированный в шапку и пимы с кожушком. И ещё одна кликуха за нашим Куяном числилась – «Гусак», но это уже из обидных, за дефект, за долгий нос, что явно на двоих рос. Матушка его покойная бывало, говаривала шутя, долгота, дескать, эта затем, что суюшка сынок её несусветный. Ну, а изначально наш дошлый Куян наречён был Михаилом, признан законным сыном Авдея Поспелова, потомственного станичника, чья зажиточность после рассказывания-раскулачивания определялась топором на семь дворов да в в один кафтан троих согнанием. Что и отвалил наследникам.

Куян на всё это не сетовал, потребностей он был самых скромных, определяя быть свою хожалым аршином – был бы хлебушка край, а уж с ним и под елью рай. Подтверждал эту установку даже его домишко – балаганишко с одним оконцем на улицу, стены же были наглухо задрапированы темной толью. Как слепил его Куян после войны, так боле рук и не прикладывал, как и ко всем прочим изгородям-сараюшкам. Баушка было кой-когда начинала гневаться, но скоротечно, так как у Мишеньки её находился пусть однообразный, зато безотказный ответ, заявлял с придыханием шельма, что, мол, превыше всего на свете для него она, Александра Степановна, радость глаз его вековечная, всё же прочее для него пустяки тленные. И мог так, зараза, объявлять многожды на дню, с неподдельным восхищением в глазах и в голосе восторженностью, хоть трезвым, хоть не совсем, но всегда на одной ноте: «Пр-р-превышше всего!» и ваших нет. Работал же Куян последние, едва не сорок лет, в редакции местной газетки «Заветы Ильича» – шоферил.

– О-оо, Михаил Авдеич, да с харчем! – пододвинул ему винтовой табурет Пеонов, его добрый знакомый.

– Ну, располагайся поосновательнее, – он подмигнул оператору.

– Чтобы не упасть ежель что...

Щёлкнул тумблером и попросил:

– Второй, второй, дай-ка смещение на два градуса...

Салон их спецфургона был донельзя напичкан всевозможной аппаратурой. Моргали красные и зелёные глазки, на ряде телеэкранов нынче почему-то просматривались разнообразные места городка, вплоть до интерьеров квартир.

– Так поведай-ка нам, Михаил Авдеич, как ты за малым этот раз шпиёна-диверсанта не пымал, – Пеонов обернулся на секунду и вновь вертанулся к приборам, стал быстро покручивать-потрагивать разные ручки-копочки. – Расскажи, дядь Миш, не томи, ну будь ласка, а то нас больше подпитывают сомнительными слухами.

– Да ну тебя, Николай, – застенчиво отвернулся в оконце Куян, – скажешь тоже, распредвал-твою мазь, «шпиё-ёон», там делов-то.

Но после повторной просьбы ломаться не стал, обсказал всё как было. Дело же было так. Случилось как-то ему в отсутствии Александры Степановны обедать в столовой. Кушал он себе рассольник – всегдашние ополоски – примеривался к жёсткому без запахов шницелю, сообразно угнетённому аппетиту уныло осматривал убогий зал. Повёл взглядом в который круг и остолбенел. Через столик от него измождённого вида мужчина разминал и крошил себе в рассольник папиросы, затем высыпал всю соль и перец, вылил туда же компот, воровато покопался на огнетушитель. Надо ли говорить, что уже через секунд двадцать Куян сидел за его столиком, поёживаясь от охотничьего трепета, а ещё через минуту бежал к машине за солидолом и электролитом. За его отзывчивость мужчина – Куян как-то сразу нарёк его Обезжиренным – подарил ему диковенную исповедь.

Оказывается, в тот день судьба столкнула Куяна с одним из непримиримых борцов с общепитом, тех, кто однозначно ратовал за возвращение его на былые позиции, когда продукты готовились ну совсем-совсем несъедобными. В те времена Обезжиренный ходил в студентах, но, не в пример многим собратьям, выжил, при этом желудок его обрёл невиданные доселе свойства – он стал бастовать на приём вкусной и питательной пищи, что случалось ещё тогда Обезжиренному поесть при наезде к родителям. Вкуснятина его просто-таки травила, приходилось бедолажке приспосабливаться – тайком бегать в столовку или доводить до нужных кондиций блюда подручными средствами, при этом в ход шли стиральный порошок, гуталин, ружейное масло, косметика. Потом же, по словам Обезжиренного, началось самое страшное – общепит на какое-то время вынудили работать как надо, поубавили растащилровку. Это едва не стоило ему жизни, он стал угасать по больницам и угас бы, но судьба расщедрилась на встречу с союзниками, ведущими борьбу за выживание довольно продуманно, организованно и целенаправленно. У нас, похвалился в тот день Обезжиренный, связи простираются до самых верхних эшелонов власти и заверил, что совсем скоро в их городишке дела поправятся как надо, то есть индекс несъедобности общепитовских блюд войдёт в нужную норму, для чего нужные люди щедро ублажены взятками и деликатесами. После исповеди последовала попытка вербовки, но Куян спешно ретировался, а через пяток минут вернулся с участковым, но Обезжиренного и след простыл.

Дела же общепита, как грустно подмечал Куян, и без того плачевные, неуклонно ухудшались, в газету не ослабевал поток жалоб, но при всём при этом объяснение причины в его трактовке всех почему-то ввергало в оскорбительные хаханьки.

– Так, говоришь, дядь Миш, негролу ещё просил для шницеля? – кхекал Пеонов. И этот туда же, поджал губы Куян и снова отвернулся в оконце.

– Так лысый, говоришь, в очках? Тощий, хоть для брюк ремешок от часов используй? Хорошие приметы, и псевдоним удачный – Обезжиренный, ха-ха-ха! И ухо, говоришь, любил дергать – левое правой, а правое левой рукой всё норовил через затылок? Эт-он, болящий, супротив остика-хандросыча шейного ловчил.

– Я же такое не говорил, – настороженно покосился Куян.

– Да ладно, дядь Миш, ладно, пустяки всё это, сыщут всенепременно энтого антигурмана-вредителя, сыщут и сварят из него холодец для ублажения пострадавших, должны сыскасть.

– Ты мне лучше скажи, только как на духу, о бдительнейший из сограждан, не заметил ли ты чего подозрительного в родном граде, не встревожило ли тебя чего-нибудь, не всколыхнуло ли, не вздыбило ли локатор твоего чуткого от роду нутра?

– Дык, – заёрзал Куян, хмыкнув признать, – ну это ты, Николай, прямо в точку, затем и пришёл, измаялся ведь.

– Да-а, на челе твоём информационное недоедание читается за версту.

– А как же иначе?! Такое ведь, Коля, сапогом с ноги не скинешь.

– Ну, ничего, сейчас разговеешься. Так рапортуй кратко, каково настроение земляков – безмятежное? Вздуродженное? Сколько отбурлило митингов протеста, сколько послано телеграмм в ООН?

– Ой, да брось ты, Коля, какие там митинги, тычутся как всегда сонными мухами, никакого чутья, а ведь... – Куян покрутил растопырку пальцев у лица, – ведь как сказать грамотнее, ведь.. – он застонал и махнул рукой обречённо, – ведь чую я, не то что-то, не то! Как говорится, пути ясны, да очи слепы.

– Прочти свою газету, за среду, на второй полосе заметка, внизу... на-ка вот, ознакомься, ежели раньше не удосужился.

– Ну вот, газетка, да кто, Коля, нашу брехушку всерьёз читает? Да ещё на второй странице, партийной. Вот ежели бы в виде некролога, объявления красным цветом, да вверх ногами, а так, распред-твую мазь, зряшные хлопоты. – Куян страдальчески прищурился на развернутую газетку.

– Н-да, – хмыкнул Пеонов, – ожидалось, конечно, бездействие, но с таким кэпэдэ!.. Третий, третий, дайте-ка, мил люди, контроль мощностей поквратно, да закругляйтесь, выходите на суммарный результат... Значит, говоришь, дядь Миш, полнейшее неведение? Значит, быть нам неожиданными, яки восходу светила от западу? Да ты читай, читай...

– А-аа, ну тебя, тут, я вижу, накалякано много, да шибко грамотно, когда я дойду до соли с моим-то куриным умишком. Ты бы растолок, Коля, как попроще...

Тут, на всех экранах сразу появилось лицо ихнего шефа, бородатое и торжественное.

– Десять минут на последнюю проверку, друзья мои, – объявил он. – Готовность в десять тридцать, сверьте ваши часы. – На экранах нарисовался циферблат – десять двадцать.

– Ой, дядя Миша, теперь уже не до разъяснений, – ещё энергичнее захопотал у своего пульта Пеонов. – Да и не к чему они теперь, разъяснения-то, сиди себе мышкой-норушкой, да смотри в оба на все мониторы, враз станет всё понятно. Такого зрелища, смею уверить, ты ещё никогда не видел, так что, повторяю, сиди цепче... Та-ак, хорошо идём, ребятки, хорошо. Сейчас, сейчас смешается всё в доме Облонских...

– Ну, поехали! – сказал вскоре сипловато невидимый шеф.

– С богом! – выдохнул Пеонов и задвинул какой-то рычажок.

Куян машинально, незаметно перекрестился.

Глава вторая

– Восхитительный ералаш – Порнографический диалог – Самоубийство В. Салашного – Жалобы жлоба-экспедитора – Террор в «Умном квадрате»

Беда пришла на гаражный массив, буйной стихии подобная беда. Застонала от обвалов земля, взметнулись пылевые облака, заскрежетал металл, и затрещало дерево. Исчезали двери, рельсы перекрытий, бетонные плиты и стены. Лишённые опоры обрушивались на личный транспорт потолки, хороня соленья и варенья, заполнялись землёй подвалы. Фундаменты пускали трещины и разламывались на земле, обретающей первозданный, как и до планировки вид. Присутствующие – кто бежал сломя голову прочь, кто тихо оседал, хватаясь за сердце. Казусы происходили и с некоторым транспортом в пути. Многие водители, после безуспешных попыток запустить отказавший двигатель, обнаруживали, что в бензобаке совсем-совсем сухо; этого же затрясло до лясканья зубов – исчезла резина; другой проехался со скрежетом, вызывающий мурашки, на одной раме с обручем руля в одеревеневших руках.

А вот у дамы внушительных статей, только что лениво покручивающей баранку «Волги», приключился ещё больший конфуз – она закувыркалась на дороге в чём мать родила, а утвердись на четвереньках, оцепенела и, обратив глаза к небу, завела нехороший вой.

Ну, а здесь горестно вскричал человек – он ударил по шляпке гвоздя кулаком, не молотком, как при замахе, больше того, он повис на этом гвозде, так как из-под исчезла стремянка, больше того, буквально на глазах преобразился его домик, этот писанный теремок – он обветшал и покосился.

И тут, в просторном сарае, ахнула женщина, ибо сгнули бидоны с пищевыми отходами, а три упитанных восьмимесячных боровка истаяли зыбким миражом, раздраженно при этом хрюкая, как, впрочем, и с полсотни уток, те только и крикнули хоровым подголоском звучным ахам хозяйки.

Зачмокала таблеткой валидола и другая преклонных лет женщина, с минуту назад протиравшая корешки солидной библиотеки классиков соцреализма, протирать как-то враз стало нечего, осталась лишь брошюрка «Советы огороднику».

В щекопливом положении оказался некий смуглый гость города в автобусе, из одежды у него остались лишь носки да ремешок от часов, а обворожительное золото улыбки сменилось отталкивающим оскалом редких останков зубов. Потерянно блея нехорошие слова, он присел и малоуспешно маскировал одной ладонью рот, другой – грудь, где сквозь щедрый мех просматривалась тутаировка, взглядам несовершеннолетних явно противопоказанная.

Не скучал и многолюдный базар. Представители власти недоумевали – жалоба за жалобой, кража за кражей. Кто-то лишь немо разводил руками, кто-то волок подозреваемого сам, кто-то же, проведя самостоятельное оперативное следствие, вершил приговор, обдирая кулаки о зубы уличенного.

В «умном квадрате»

Дико, на одной ноте кричал уже мутный рассудком мясоторговец – у этого исчезли две огромные бычьи туши, только что возлежавшие аккуратными частями на цинковом столе в ожидании желанного штемпеля ветэксперта.

Здесь же неугомонно суетился вокруг своего «жигулёнка» заметно обескураженный мужчина – он заглядывал в отсек двигателя, откидывал сиденья, смотрел на и под машину, тщательно прощупывал каждую клеточку багажника, безнадежно пачкая ладони о выделения поросят, девятых розоватеньких пупсиков, кто минуту назад сонно похрюкивали именно на этом месте. «Фокусники!», бормотал он ошеломленно, – ну вы, городские, на это горазды, по чужим-то карманам молебны служить, плут ведь на плуте... девять у пятидесят, у-уумм!». Поиски возобновлялись по тому же кругу. Рядом злорадно подхихикивал другой продавец, этот только что лишился трёх брюхатый самок нутрий.

А вот молодой человек с юркими глазами осторожно осмотрелся и недоуменно похлопал себя по руке, недоуменно затем, что та перестала ощущать веса полушубка. Поозиравшись, он наклонился к дорожной сумке, пошарил и удостоверился, что та пуста, ещё более сторожко осмотрелся и с четверенек, не разгибаясь, скакнул в толпу, исчез.

У этого же здорovenного молодца, по-хозяйски шагавшего по базару, с головы упорхнула шапка, ондатровая, роскошнейшая и красивая шапка, меньше чем за триста сроду бы не уступил. Он недоверчиво погладил плешь, но это обстановки не прояснило. Зато, в довершение к данному сюрпризу, к нему спешила жена – сам крик вины за недогляд, мольба о пощаде – руки её простирали распахнутый пустой чемодан.

Исчезали сети, запчасти к машинам, шали и мопеды, пустели кошельки... Людская масса поколыхалась и стала стремительно растекаться через ворота и щели в заборе прочь.

Недоумение посетило даже завсегдатаев скверика близ гастронома. Сидя и полулёжа на травке в скупой тени молодой акации они до этого высокоартистично радовались первенцу некоего пожилого, лысого мужика, кого видели впервые. И вдруг вся компания враз протрез-

вела, совершенно, вся, кроме лысого, кто всё также нёс счастливую околесицу и лез целоваться ко всем напропалую. Завсегдатаи помрачнели, ощутили сильнейшую слабость и голод, как после сильного приступа дизентерии, кляня причуды организмов, они пугливыми тенями, стенками стали разбредаться по домам...

– Ну, как, Авдеич, уразумел, сколь изящно можно изымать нечестно нажитое, предварительно проревизировав кой-какие буйные головушки, вычленив специфические своей пакостливостью мыслёшки? – неудержимо улыбался Пеонов.

– Ну, вы даёте... климатологи, хитро дело обставили. А куда всё добро-то деваете?

– В нужном месте, где обретает товарный вид и готово служить новым, честным хозяевам.

– Я пошёл, – топтался уже в дверях Куян, – живьём хоча всё посмотреть.

– Не обольщайся, подобное деется далеко не на каждом шагу...

– Ушёл-таки, следопыт ты наш красный, – усмехнулся Пеонов, – скорее всего, учуял себя в пострадавших.

Действительно, Куян спешил проверить в гараже тайничок, где хранились запчасти, самые-самые, из тех, что достать честно попросту невозможно. Уже близ редакции его привлёк еле слышный разговор, доносящийся из-за глухого кирпичного забора поликлиники, из кленовой чащи, разговор взволнованный, но неразличимый отдельными словами. Чертыхаясь на хрустящие порой сучки под ногой, Куян прокрался со двора, присмотрелся, прислушался и ахнул – мужчина и женщина, ведущие беседу, были совсем голыми, посильно маскировались лопушками.

Да ведь это Нюська Лапшина, признал Куян, завпроизводством в кафе «Колос», собеседник же её ему был незнаком, по всему, из залётных. Сала-то сколько отрастила на дармовых харчах, поморщился Куян, уж очень срамно, моя Степановна такой молодухе и то сто очков вперёд даст.

– ...Я вас умоляю, – говорила Нюська плаксливо, – уйдите, не пяльтесь на меня, вот посмотрите, муж вас изувечит.

– Куда, куда уйти мне, о бессердечная, рад бы, да смокинг, как видите, отутюжен совсем неважнецки. Какая же вы всё-таки чёрствая женщина, чужая беда вам, как с гуся вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.